

KÁPRÁLY Mihály

**Русский язык в Подкарпатье
(1938-1944)**

В начале ноября 1938 года важнейшие города Ужгород и Мукачево вместе со значительной частью территории чехословацкой автономии Подкарпатская Русь были возвращены в состав венгерского государства, а спустя менее полугода и вся остальная часть края оказалась в составе Венгрии. В предшествующий двадцатилетний чехословацкий период наряду с государственным чешским языком в крае функционировало несколько форм литературного языка, обслуживающего культурные запросы местного населения.

К середине тридцатых годов XX столетия оформились три общественных течения, которые условно можно обозначить как русофильское, украинофильское и собственно русинское. Сложность исследования языковой политики каждого из этих течений усиливается как наличием разных векторов развития внутри каждой из них (религиозный, социальный, территориальный, политический и т. д.), так и различным уровнем собственно языкового развития. В отличие от русофилов, имеющих богатые традиции и достаточно четкий ориентир (русский литературный язык), достигших на данный период максимального приближения к стандартным нормам русского литературного языка, сторонники украинофильского и русинского лагерей сталкивались с проблемами идентификации языковых норм. Так, литературной формой украинского литературного языка, точнее одним из его территориальных вариантов (западноукраинским или центрально-восточноукраинским), владели преимущественно эмигранты. В свою очередь, у сторонников русинской ориентации (использовании в качестве литературного языка местных говоров) были свои сложности, связанные как с проблемами расширения аудитории (в середине 30-х годов доминировали их конкуренты из русофильского и украинофильского лагерей), так и собственно языковыми вопросами (на базе какого из основных трех говоров должны основываться нормы литературного языка, каким образом в кратчайшие сроки их нормировать и т. д.).

Ко второй половине 30-х годов, когда противостояние достигло наивысшего уровня, сторонники разных ориентаций составляли три непримиримых объединения. Сторонники русофильской ориентации составляли общество Александра Духновича, украинофилы группировались вокруг организации «Просвѣта», вокруг еженедельной газеты «Недѣля» объединялись сторонники русинской ориентации («недѣляши»). Языковая ориентация разделяла и учителей Подкарпатской Руси соответственно на русофильский и украинофильский лагеря, сторонники которых также группировались вокруг организаций «Учительское Товарищество» (с 1921 года) и «Учительська Громада», которая объединила вышедших из дотоле единой учительской организации в мае 1929 года сторонников украинской идеи.

Представители той или иной ориентации по разному были представлены в общественной жизни края. Если в политической сфере (благодаря прежде всего партийным лидерам Андрею Бродию и Степану Фенцику) доминировали русофилы, то украинофилы в силу сложившейся изначально (с 1919 года) практики школьного строительства (научным и методическим обеспечением в крае занимались

украинские эмигранты, в частности, известный ученый Иван Панькевич) к концу 30-х годов значительные позиции занимали в учительской среде. Сторонники русинской культурной ориентации формировались вокруг духовенской элиты Мукачевской греко-католической епархии.¹

У каждой из трех общественно-политических группировок, сложившихся к середине 30-х годов XX века, были свои весьма противоречивые взгляды на языковую политику в крае.

Чаяния и деятельность представителей этих трех основных направлений общественной и культурной жизни местного подкарпатского населения материализовались прежде всего на страницах периодических изданий. В период обретения автономии края в 1938 году в противоборстве с официальной Прагой особенно усердствовали русофильские издания, газеты Андрея Бродия «Русский Вѣстникъ» и Степана Фенцика «Наш Путь». Газеты нередко выходили с большими белыми пятнами, остающимися после вмешательства цензуры. После замены на посту первого премьер-министра автономии Андрея Бродия на Августина Волошина, который представлял в крае соперничающий с русофилами украинофильский лагерь, последний и вовсе запретил выход русофильской периодики.

Ожесточенное противостояние продолжалось и после перемещения столицы из Праги в Будапешт. Интересно, что одним из первых распоряжений новых властей осенью 1938 года был документ, также непосредственно относящийся к местной журналистике. Уже через три дня после I Венского арбитража, на котором было принято решение о переходе части Подкарпатской Руси в состав Венгрии, 5 ноября 1938 года (почти за неделю до вступления гонимых в Ужгород!) газета Степана Фенцика «Наш Путь» опубликовала весьма важное постановление новых властей:

«Недавнее распоряженіе карпаторусскаго правительства о закрытіи всѣх русскихъ газетъ, сегоднешнимъ днемъ отмѣняется. Одновременно запрещается издаваніе всѣхъ чешскихъ и украинскихъ газетъ в Ужгородѣ, Мукачевѣ и Береговѣ. Русскія и мадыарскія газеты съ сегоднешняго дня на основаніи этого распоряженія не подлежатъ цензурѣ.

Постановленіе вступаєть въ силу съ момента его опубликованія.

Ужгородъ, 4 XI. 1938.

Съ повѣренія Мадыарскаго Національнаго Совѣта П. Бернатъ».

В общественной жизни края, в частности, ее языковой картине, таким образом, произошли значительные изменения.

В составе венгерского государства Подкарпатье получило статус особой территории, глава которой назначался непосредственно Миклошем Хорти, и был подотчетным только ему и премьер-министру страны. Наиболее острые и актуальные для местной интеллигенции вопросы, связанные с языком периодики края и местных органов государственной власти, Венгрия решала соответственно собственным государственным интересам. Новое дыхание получила местная венгерская пресса. В этот период в крае выходило более десяти периодических изданий, ср., например: «Kárpáti Híradó», «Kárpáti Magyar Hírlap», «Határszéli Hírlap», «Az Őslakó», «Tiszaháti Magyar Gazda» и др. Заметное развитие получили издания на русинском языке, значительными тиражами выходили, в частности: «Нова Недѣля», «Карпатска Недѣля», «Недѣля», «Душпастырь», «Народна Школа» (с 1941 года), «Подкарпатский Вѣстникъ», «Гандя»; издания Подкарпатского Общества Наук «Зоря-Најнал», «Литературна Недѣля», «Руська Молодежь» (KÁPRÁLY 2002) и др.

На фоне запрета украиноязычных изданий русофильские газеты экс-премьера Подкарпатской Руси Андрея Бродия «Русский Вѣстникъ» и другого «автономиста» Степана Фенцика «Карпаторусский Голось» сохранились, более того, в первый год венгерской власти (особенно до введения цензуры осенью 1939 года) чувствовали себя весьма комфортно. И «Карпаторусский Голось» и «Русская Правда» (с сентября 1940 года под новым названием «Русское Слово»), которые выходили на смену «Русского Вѣстника», впервые обрели статус ежедневных изданий (KÁPRÁLY 2001: 60–67).² В первые годы второго венгерского периода (когда велись дискуссии о литературном языке для подкарпатских русин) сторонники использования в качестве литературного языка русского (или же языка, приближенного к нему) достигли заметных достижений и в образовательной сфере.

В 1939 году яркий представитель русофильского лагеря Георгий Геровский издает учебник для начальной школы (ГЕРОВСКИЙ 1939), который предписывает в качестве литературного языка для русин – русский. Опираясь на традиционную для своего времени грамматику русского литературного языка, автор тем не менее не мог полностью игнорировать языковые особенности местных подкарпатских говоров и предшествующих традиций, связанных, в первую очередь, с функционированием т. н. «язычия», литературного языка подкарпатских русин XIX века, в котором сочетались церковнославянские местного извода, русские и русинские языковые элементы. Не вдаваясь в подробный языковой анализ учебника на русском языке, отметим некоторые его фрагменты, которые свидетельствуют об искусственной попытке контаминации русинских и великорусских языковых особенностей (выделим те стилистические, грамматические и лексические элементы, которые не характерны для русского литературного языка того времени): «О, как жаль мнѣ за братомъ!» (7); «Земледелец оретъ» [пашет – М. К.] (3); «Мнѣ упаль уголь» (42); «Я вылезъ на подь» [чердак – М. К.]; «Юра подь [иди – М. К.] сюда» (43); «На головѣ ширинка» [платок – М. К.] (32); «хворый, житный, хижа» (35) и т. д. Особенно заметно влияние местных говоров на язык учебника, когда автор использует уже готовые устные формы языка русин, ср., например:

<i>Гусю-гусь!</i>	<i>За плотомъ.</i>
<i>Га-га-га!</i>	<i>Что дѣлаетъ?</i>
<i>Подьте домой!</i>	<i>Мыши лунитъ.</i>
<i>Не пойдѣмъ!</i>	<i>Сколько налупилъ?</i>
<i>Про что?</i>	<i>Копу и полъ копы!</i>
<i>Про волка.</i>	<i>Гусю-гусь!</i>
<i>Гдѣ волкъ?</i>	<i>Га-га-га! (7).</i>

Г. Геровский сознательно пытается сгладить различия между великорусскими и местными говорами за счет этимологически общих языковых элементов, не всегда при этом учитывая, с одной стороны, их архаичности для русского литературного языка своего периода, с другой стороны, степени их распространенности в русинских наречиях.³

Еще в большей мере была ориентирована на русинские языковые традиции грамматика, подготовленная коллективом авторов под руководством Юлия Марины в следующем 1940 году и официально одобренная регентским комиссариатом ч. 8888/1940 (Грамматика... 1940).

Помимо влияния местных говоров и языковых традиций на стилистическом и лексическом уровнях в ней зафиксированы на великорусской основе особенности морфологии и словообразования русинских говоров. В частности, отметим исполь-

зование авторами языковых форм, не присущих русскому литературному языку, ср., например, глагольные формы: *читаеме, несеме; обробляе, буде, росте*; местоимения или их формы *дакто, дакотрый, ктось, мене, менѣ*; формы звательного падежа; формы числительного *двѣста, третее*; суффикса *-иск-* со значением уничижительности, ср. *ручиско, хлопчиско*; префикса *най-* (*найбѣлѣйшій*).

До издания весной 1941 года грамматики Ивана Гарайды (ГАРАЙДА 1941) и кодификации русинского литературного языка местная форма русского языка доминировала и в школах⁴. Об этом, в частности, свидетельствовала позиция единственного в крае ежемесячного педагогического журнала «Наша Школа», который писал в январе 1940 года: «Строго слѣдуетъ подчеркнуть, что настояща школьна власта и въ сословно-организационной жизни признаеть за учительствомъ одну только организацию – „Учительское Товарищество“. По сей причинѣ всѣ остальные учительскіе организациі должны быти ликвидированы, ихъ члены же должны считати своимъ долгомъ, чтобы послѣ выпуска сего числа „Народной Школы“ въ своемъ интересѣ вступили въ члены единого „Учительского Товарищества“, дабы изъ него создати свой единый очагъ по своей специальности. Сія задача нынѣ стала легкою потому, что мы стали едины. Нѣтъ у насъ „украинцевъ“, нѣтъ ни „кацаповъ“, но есть единый угрорусскій народъ» (Народна Школа. Ужгород, 1939/40. № 1. 3).

Русофильские издания в крае печатались на русском языке с сохранением графики и орфографии до реформы 1917–1918 годов. Наряду с этим своеобразными маркерами «местной» редакции русского языка были определенные стилистические особенности, вызванные влиянием местной полифоничной языковой среды, и использование изданиями (впрочем, не всегда последовательно) архаичных инфинитивных глагольных форм на *-ти* (*воевати, вѣрити, умѣти* и т. д.) и союза *якъ*, на месте общелитературной формы *какъ*. Наиболее последовательны в стремлении строго придерживаться норм русского литературного языка были журналисты периодики Андрея Бродия, ср., например: «Въ отвѣтственные моменты исторіи надо умѣти сохранять выдержку, самообладаніе и не теряти голову; Бѣженцы изъ Польши еще постоянно переходять литовскую границу, среди нихъ много видныхъ лицъ, якъ примѣромъ воевода изъ Гродно и одинъ митрополитъ; ...и я ставлю ея цѣлью всенародное объединеніе всего угрорусскаго народа въ одно здоровое національное цѣлое...» (Русская Правда, 22 сентября 1939 г.).

Менее внимательной к языковым вопросам было праворадикальное и значительно менее респектабельное и влиятельное издание Степана Фенцика. Нередко в тексте можно встретить не только стилистические погрешности, но и чуждые русской речи лексические единицы, ср., например: «Въ *майстровскомъ* состязаніи на собственной *площади* УАЦ [название футбольной команды – М. К.] рѣшительно побѣдилъ и тѣмъ приобрѣл 2 цѣнныхъ точки. ...противъ *эвентуальной инвазіи* англо-американцевъ» (Карпаторусскій Голось, 24 марта 1943 г.).

При всех богатых достижениях и традициях, в отсутствие главных конкурентов украинофилов сторонникам использования в качестве литературного русского языка в Подкарпатье в первой половине 40-х годов XX столетия приходилось довольствоваться вторыми ролями и в конечном итоге смириться с решением властей в начале 1941 года признать официальным языком Подкарпатской территории (венг. *Kárpátaljai terület*) – русинский, в литературной форме которого (согласно кодификаторским усилиям Ивана Гарайды) в отличие от украинских фактически не осталось великорусских языковых элементов. Однако русский язык в крае

вплоть до октября 1944 года сохранял весомые позиции. Значительная часть местной интеллигенции (которая в основном группировалась вокруг редакций ведущих газет) хранила верность русофильским традициям (ср., RÁC 1943, ВАКАРОВ 1986, ГРАБАРЬ 1957, KÁPRÁLY 2000). Заметными в культурной жизни края стали коллективные сборники («12» – 1940, «Огоньки» – 1940, «Накануне» – 1941, «Будет день» – 1941, «Шаги» – 1941, «Литературный альманах» – 1943), книжные серии «Библиотека современных угрорусских писателей» (БОРЖАВИНЬ 1943, ГОРЯНИНЬ 1942, ИВАНОВЬ 1941, КАРПАТСКИЙ 1943, Керча 1942, ЛИНТУРЬ 1942, Молнарь 1942, ПРОДАНЬ 1942, РУСАКЪ 1941) и «Угро-русская дешевая библиотека»⁵ (ср., ДУХНОВИЧЬ 1941, ПАВЛОВИЧЬ 1942, МИТРАКЪ 1942, ЛАЗАРЬ-ДЯНИЧЬ-КАЧЬИ 1942), другие отдельные издания (ср., Уйко из Марамороша 1940, Грабарь, Лугошь 1940, Анталовский, Грига, Добошь и др. 1941, Сильвай 1941, Комлошй 1942, Геровский 1943 и т. д.).

Примечания

1. О языковой политике Мукачевской греко-католической епархии со времен епископа Андрея Бачинского см., в частности: UDVARI 1995, УДВАРИ 2002, KÁPRÁLY 1999.

2. В годы Второй мировой войны вплоть до октября 1944 года обе русофильские «ежедневные» газеты выходили только дважды в неделю.

3. В пространном предисловии к учебнику (Предисловіє къ учителю, I–VI) автор предлагает учителям использовать «правильную грамматическую рѣчь» [т. е. следовать великорусским языковым нормам – М. К.], ибо, по его мнению, «невозможно, чтобы грамматика излагала сельскую рѣчь». Г. Геровский, в частности, писал: „Русский народ на Карпатской Руси сохраняет в каждой мѣстности свой природный русский говоръ. Но ради образования, чтения книгъ и умственного развитія, ради національной культуры, а также для лёгкого и удобного сообщенія съ русскими людьми изъ другихъ концовъ Карпатской Руси и для бесѣды съ образованными инородцами нашъ сельскій народъ долженъ знать и грамматическій языкъ. Знаніе грамматическаго (литературнаго) языка должна дать нашему селянину школа путёмъ правильнаго обученія школьныхъ дѣтей».

4. В 1939 году на русском языке местной редакции вышла целая серия школьных учебников, ср.: **Первый цвѣтъ** дѣтской мудрости. Для I. кл. народной школы. Изданіе Регентского Комиссаріата въ Унгварѣ. Унгварь: Экспозитура Мадь. Кор. державной типографіи въ Унгварѣ (M. kir. állami nyomda kirendeltsége Ungvár), 1939 [Другое изданіе 1940]. 112 с.; **Другій цвѣтъ** дѣтской мудрости. Для II. класса народной школы. Изданіе Регентского Комиссаріата въ Унгварѣ. Унгварь: Типографія оо. Василіанъ въ Унгварѣ (Szent Bazil Rend könyvnyomdája Ungvárott), 1939. 120 с.; **Третій цвѣтъ** дѣтской мудрости. Для III–IV. класса народной школы. Изданіе Регентского Комиссаріата въ Унгварѣ. Унгварь: Экспозитура Мадь. кор. державной типографіи въ Унгварѣ (M. kir. állami nyomda kirendeltsége Ungvár), 1939. 176 с.; **Четвертый цвѣтъ** дѣтской мудрости. Для V–VI класса народной школы. Изданіе Регентского Комиссаріата въ Унгварѣ. Унгварь: Экспозитура Мадь. кор. державной типографіи въ Унгварѣ (M. kir. állami nyomda kirendeltsége Ungvár), 1939. 264 с.; **Пятый цвѣтъ** дѣтской мудрости. Для VII–VIII класса народной школы. Изданіе Регентского Комиссаріата въ Унгварѣ. Унгварь: Экспозитура Мадь. кор. державной типографіи въ Унгварѣ (M. kir. állami nyomda kirendeltsége Ungvár), 1939. 248 с.

5. Книги, заявленные в этой серии издателем под №№ 4–6 и проанонсированные во второй и третьей книге серии, нам не удалось обнаружить. По-видимому, избранные сочинения Е. Фенцика, А. Сильвая и Ю. Ставровского-Попрадова, которые значились под этими номерами в серии «Угро-русская дешевая библиотека», учитывая тяжелое военное время, так и не были напечатаны.

Литература

- «12». Сборник молодых угрорусских поэтов. Под редакцией ГИК-а. Ужгород, 1940.
- АНТАЛОВСКИЙ В., ГРИГА М., ДОБОШЬ С. И др.: Разбор грамматики угрорусского языка. Под редакцией Г. И. Геровскаго и В. Крайняницы. Ужгород, 1941.
- БОРЖАВИНЬ В. Горы и доля. Стихи. Библиотека современных угро-русских писателей. Унгварь–Ужгород, 1943.
- Будеть день. Сборник хустской литературной школы под редакцией ГИК-а. Хуст, 1941.
- ВАКАРОВ Дмитрий: Сочинения. Ужгород, 1986.
- ВЕРХОВИНКА ТАНЯ: Монисты. Стихи для детей. Второе изд. Ужгород, 1942.
- ГАРАЙДА И. Грамматика русского языка. Выдана Подкарпатского Общества Наук. Унгварь: Книгопечатня Юлиа Фельдешия, 1941.
- ГЕРОВСКИЙ Г. Русская грамматика для народных школ. Часть I. Для второго года обучения. Унгварь–Ужгород, 1939.
- ГЕРОВСКИЙ Г. История угро-русской литературы в изображении Володимира Бирчака. Унгварь–Ужгород, 1943.
- ГОРЯНИНЬ И. Страна простацкая. Стихи. Библиотека современных угро-русских писателей. Унгварь–Ужгород, 1942.
- ГРАБАРЬ Вл., ЛУГОШЬ М.: Овчарь. Драма из сельской жизни по сюжету Сиона Сильвая в 4 действиях. Предисловие: Сулинчак В. др. Ужгород, 1940.
- ГРАБАРЬ О. Поэзия Закарпатья (1939–1944). Братислава, 1957.
- Грамматика угрорусского языка для средних учебных заведений. Издание Регентского Комиссарского Управления в Унгваре. Унгварь, 1940.
- ДУХОВНИЧЬ А. В. Избранные сочинения. Стихи и проза. Угро-русская дешевая библиотека. № 1. Унгварь–Ужгород, 1941.
- ИВАНОВЬ Й. Съ полетомь дней. Библиотека современных угрорусских писателей. Ужгород, 1941.
- КАРПАТСКИЙ Г. Живая синь. Стихи. Библиотека современных угро-русских писателей. Унгварь–Ужгород, 1943.
- КОМЛОШЬ И. Въ корчмѣ. Весела сцена вь одномъ действии. Унгварь–Ужгород, 1942.
- ЛАЗАРЬ Д. В., ДЯНИЧЬ В. В., КАЧЬ Г. Ю. Тройка. Стихи. Угро-русская дешевая библиотека. № 7. Унгварь–Ужгород, 1942.
- ЛИНТУРЬ П. Угро-русская коляда. Библиотека современных угро-русских писателей. Ужгород, 1942.
- Литературный Альманах. Материал собралъ и проредактировалъ: И. Г. Керча. Обложка Инны Ромбергъ. Унгварь–Ужгород, 1943.
- МИТРАКЪ А. А. Избранные сочинения. Стихи и проза. Угро-русская дешевая библиотека. № 3. Унгварь–Ужгород, 1942.
- МОЛНАРЬ МИХАИЛЬ: Дѣдь-морозъ и Бабушка-зима. Дѣтская рождественская пьеса вь 2 действияхъ. (Коляды взяты изъ околицы Свалявы). Унгварь–Ужгород, 1942.
- Наканунѣ. Сборник стиховъ и прозы Ужгородской литературной школы. Ужгород, 1941.
- Огоньки. Художественный сборник, составленный группой писателей. Издание Комитета Р. О. Краснаго Креста. За издание отвѣчаетъ: О. С. Лосіевская. Ужгород, 1940.
- ПАВЛОВИЧЬ А. И. Избранные сочинения. Стихи и проза. Угро-русская дешевая библиотека. № 2. Унгварь–Ужгород, 1942.
- ПРОДАНЬ П. Яблоня (избранные стихотворения). Библиотека современных угро-русских писателей. Ужгород, 1942.
- РУСАКЪ Ю. Прогулки (разказы). Библиотека современных угрорусских писателей. Издание газеты «Русское Слово». Ужгород, 1941.
- СИЛЬВАЙ И. А. (Уриль Метеоръ). Собрание сочинений. Книга первая. Ужгород, 1941.

- УДВАРІ І. Збірка жерел про студії русинського писемства І. Кириличні уббіжники мукачовького єпископа Андрія Бачинського. *Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyháziensia* 12. Nyíregyháza, 2002.
- УЙКО ИЗЪ МАРАМОРОША: Разказы. Изданіе „Наше Дѣло”, Тячево-Рахово, 1940.
- Шаги. Альманах мукач. лит. школы. За изданіе отвѣчает: Евгений Данкулинец. Обложку и иллюстраціи пригот. худ.: Антоній Петер. Мукачево, 1941.
- KÁPRÁLY Mihály: Издания Иоанна Кутки в истории русинского литературного языка. // *Studia Russica* XVII. Budapest, 1999. 284–290.
- KÁPRÁLY Mihály: Эмиль Балецкий на страницах ужгородской периодики (1939–1944). // *Studia Russica* XVIII. Budapest, 2000. 369–374.
- KÁPRÁLY Mihály: Русскоязычная периодика Венгрии: газеты Андрея Бродия (1938–1944). // *Studia Russica* XIX. Budapest, 2001. 60–67.
- KÁPRÁLY Mihály: Подкарпатское Общество Наук. Публикации. 1941–1944. *Kárpátaljai Tudományos Társaság. Kiadványok. 1941–1944. Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyháziensia* 10. Nyíregyháza, 2002.
- RÁCZ József: A legújabb ruszin irodalom. A szerző kiadása. Kecskemét, 1943.
- UDVARI István: Ruszin (kárpátukrán) hivatalos írásbeliség a XVIII. századi Magyarországon. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1995.